

Анатолий Прядкин

Семейство

Дятлы в этом лесу не стучат,
И во мраке не ухает филин.
У волчицы украли волчат,
А волчицу в засаде убили.

И ушли вдоль оврага в село
Трое дюжих мужчин с рюкзаками.
«Повезло!», «Повезло!», «Повезло!» —
За столом восклицали стаканы.

Волк смотрел на хмельную избу,
На дорогу, на лес, на сугробы,
Он испытывал волчью судьбу
Под укусы горячие дробы.

Шесть стволов громыхало с крыльца.
Шесть стволов!
Волк не сдвинулся с места!
Шесть стволов и огня, и свинца
Добывали лесное семейство.

Снова дятлы в лесу том стучат.
Старый волк в свое логово мчится.
Ожидает рожденья волчат
Молодая, с оскалом, волчица...

Ольга Корчагина

Любимому
поэту

Любимый мой поэт
Цветаева Марина,
Меж нами столько лет,
Но Ваше живо имя.

Читаю томик Ваш
И вижу: в старом зале
Тетрадку, карандаш,
Как Вы стихи писали.

Не знали Вы тогда,
Какой готов Вам путь,
Да только вот года
Нам вспять не повернуть.

Вам жесткий выпал век,
Не каждому под силу.
Поэт и человек,
Я чту Ваш образ милый.

В поэзии Ваш след
Останется прекрасный
Еще на сотни лет.
Вы жили не напрасно.

Солнце

(СТИХИ ДЕТЯМ)

Солнце за день утомилось,
За деревья зацепилось,
Платье в клочья порвало.
Ключья ветром унесло,
Разбросало по лугам,
По пушистым облакам...
Зорька ясная пришла,
Все клочочки собрала.
Утром солнышко взойдет —
Целым платьице найдет.

Литобъединение «Зодиак»

Елена Удовиченко

КОРАБЛИ

В дальние, дальние дали
Снова плывут корабли,
Прочь от любви и печали,
Прочь от родимой земли.

Что их там ждет, неизвестно,
В той бесконечной дали.
Может быть, остров чудесный
Нежится в свете зари.

Может, горячие волны
Лижут шершавый песок.
Может, холодный, безмолвный
Встретит их льдины кусок.

Станется что с кораблями!
Может, вернутся домой,
Может быть, там, за морями,
Вечный отыщут покой.

Чайки над волнами вьются,
Ветры зовут и зовут.
...Пирсы навек остаются
Местом, где странников ждут.
Литобъединение «Зодиак»

Роман Котов

Путь
корсиканца

Слепая снега горюверть
Несется мимо.
На эту бездну мне смотреть
Невыносимо.

На эти белые листы
Под синим небом,
На эти чистые холсты
Чужого снега.

И иней, как чумная сыпь
На нашем теле,
И смерть, незримая, летит
Вослед метели.

И погрязает голова
В пучину страха.
Передо мной стоит Москва —
Престол и плаха.

Москва! К тебе стремились мы
В пылу азарта.
Но нас настиг приход зимы,
Как Бонапарта...

Лишь тот всерьез познал врага
В войны горниле,
Кто видел русские снега
В их страшной силе.

Виктор Ивашко

НЕ ПОВТОРИТЬ

Зачем себя расстраивать напрасно!
Не лучше ль чувства глубже схоронить!
Ведь не вернуть мгновений тех
прекрасных
И не связать оборванную нить.

Ты в сердце юной девушкой осталась.
И помню я цветущий майский луг.
Тогда ты мне единственной казалась,
Красивой самой среди своих подруг.

Но безвозвратно время пролетело,
И встреч бывших теперь не повторить.
Пока еще живут душа и тело,
Тебя я буду в памяти хранить.
Литобъединение «Зодиак»

Алексей Кропотин

Сулахат —
каменная
женщина

Спит каменная женщина в тумане
Под грохот камнепадов и лавин.
Невозмутимо целыми веками
Спит, видимая снизу из долин.

Каких народов племена бывшие
Шли мимо этих скал тропой крутой!
Какой легендой, позабытой ныне,
Овеян был орлиный профиль твой!

Сменялись племена, гремели войны;
Звучал то к бою клич, то к миру зов;
Сменялся ночью день большой
и знойный.

Вставало утро над Кавказом вновь.

То почерневшая от солнца летом,
То вновь укрыта снежной простыней,
Она совсем не слышит человека,
Она молчит в ответ, храня покой.

*Альплагерь «Алибек», 1962 г.*Над широкой
рекой

Над широкой рекой
Синева и покой.
Высоко, далеко звенят голоса.
В этой песне без слов
Слышен радостный зов,
В ней и грусть, и любовь,
и восторга слеза.

Кто поет, не понять.
То ли двое девчат,
То ли это волна не в силах молчать.
И летят в вышине,
Синеве, глубине
Юной силы полны
Звуки ранней весны.

Не шумят города,
Не стучат поезда.
Здесь одни берега, вода и луга.
Зеленеют леса,
И звенят голоса.
В них и грусть, и любовь,
И восторга слеза.

Теннадий Локтев

ВСЕНПРОЩЕНИЕ

Они встретились у дверей магазина.
Хотели сделать вид, что не заметили
друг друга, и, как обычно, пройти
мимо, но что-то остановило их. Один,
чисто выбритый, в неплохом, но уже
отмеченном временем костюме,
улыбнулся в знак приветствия:

— Коровин! Ну, здравствуй, Коровин!
Сколько лет, сколько зим!

Второй, одетый проще, тоже улыбу-
нулся, но с кислинкой.

— Здравствуй, Петр Сергеевич! А что
так официально-то? Ты бы еще «това-
рищ» впереди фамилии поставил...

— А мне, Николай, теперь до лампоч-
ки, как ко мне обращаются. Хоть по
прозвищу. Кстати, помнишь, как меня
в детстве кликали?

— Как не помнить! Помню, как и спус-
ку ты не давал, если тебя так называли.
Мне тоже пару раз попадало.

— Э-хе-хе! Молодость. Как живешь-
то нынче?

— Да как мне жить? Доживаю. Ты как?
Как жена?

— Эх! По разу в месяц к каждому «ско-
рую» вызываем. Количество вызовов
пока не увеличивается, и то хорошо. А
ты свою, знаю, схоронил. Жаль Веру...
— Жаль. Она себе сердце изорвала в
ключья. Один только сын сколько горя
принес, да и со мной, сам знаешь, не
все ладно бывало.

— А я приходил на похороны. В стор-
онке постоял. Простился.

— Я видел.

— А что не позвал?

— Думал, сам подойдешь. Все, как в
тумане, было.

— Я и на могилку к ней заходил. Ты мо-
лодец! Все чистоенько, аккуратно.

— Стараюсь. Больше-то заниматься

этим некому, сын уж лет пятнадцать не
показывается. Ты в магазине?

— Ну, а куда ж еще-то? Жена решила
пышек исцелить. За мукой послала.
Слышь, Коль, а пойдём к нам? Жена,
может, по рюмочке нальет, а там и
пышки к чаю подоспеют.

Второй немного помолчал, обдумыва-
вая приглашение.

— Нет, Петь, не пойду.

— Ну, как знаешь...

Старики разошлись по разным отде-
лам. Домой шли каждый своей доро-
гой. А дома Николай, заварив чаю по-
крепче, думал об этой встрече. Если бы
знал Петр, какой кусок из сердца Веры
он вырвал своей подлостью! Но, мо-
жет быть, и у такого поступка есть
срок давности? Наверное, пора про-
стить. Он знал: жена одобрила бы их
примирение.